

МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ

Унесенные ветром

Часть 5

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)
М67

MARGARET MUNNERLYN MITCHELL
Gone with the Wind
1936

Перевела с английского Т. Кудрявцева

Митчелл М.
М67 Унесенные ветром : [роман] / Маргарет Митчелл. — М.:
«Т8 Издательские Технологии» / «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020. —
(Серия «Мировая классика»).

«Унесенные ветром» (1936) — великая сага о Гражданской войне в США и ее последствиях и о судьбе своенравной и готовой идти по головам Скарлетт О'Хара. Над этим романом Маргарет Митчелл работала более 10 лет. Это книга о спасительном жизнелюбии, о любви и войне, о предательстве и верности, о жестокости и умении продолжать жить вопреки всему.

В четвертый том вошла пятая, заключительная часть романа в классическом переводе Т. А. Кудрявцевой.

**УДК 82/821
ББК 84(2)**

ISBN 978-5-521-74559-3

© Кудрявцева Т. А., наследники,
перевод на русский язык, 2020
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 48

И Скарлетт действительно развлекалась — она не веселилась так с довоенной весны. Новый Орлеан был город необычный, шикарный, и Скарлетт, точно узник, приговоренный к пожизненному заключению и получивший помилование, с головой погрузилась в удовольствия. «Саквояжники» выкачивали из города все соки; многие честные люди вынуждены были покидать свои дома, не зная, где и когда удастся в очередной раз поесть; в кресле вице-губернатора сидел негр. И все же Новый Орлеан, который Ретт показал Скарлетт, был самым веселым местом из всех, какие ей доводилось видеть. У людей, с которыми она встречалась, казалось, было сколько угодно денег и никаких забот. Ретт познакомил ее с десятком женщин, хорошеньких женщин в ярких платьях, женщин с нежными руками, не знавшими тяжелого труда, женщин, которые над всем смеялись и никогда не говорили ни о чем серьезном или тяжелом. А мужчины — с какими интереснейшими мужчинами она была теперь знакома! И как они были не похожи на тех, кого она знала в Атланте, и как стремились потанцевать с нею, какие пышные комплименты ей отпускали, точно она все еще была юной красоткой.

У этих мужчин были жесткие и дерзкие лица, как у Ретта. И взгляд всегда настороженный, как у людей, которые слишком долго жили рядом с опасностью и не могли позволить себе расслабиться. Казалось, у них не было ни прошлого, ни будущего, и они вежливо помалкивали, когда Скарлетт — беседы ради — спрашива-

ла, чем они занимались до того, как приехать в Новый Орлеан, или где жили раньше. Это уже само по себе было странно, ибо в Атланта каждый уважающий себя пришелец спешил представить свои верительные грамоты и с гордостью рассказывал о доме и семье, вычерчивая сложную сеть семейных отношений, охватывавшую весь Юг. Это же люди предпочитали молчать, а если говорили, то осторожно, тщательно подбирая слова. Иной раз, когда Ретт был с ними, а Скарлетт находилась в соседней комнате, она слышала их смех и обрывки разговоров, которые для нее ничего не значили: отдельные слова, странные названия — Куба и Нассау в дни блокады, золотая лихорадка и захват участков, торговля оружием и морской разбой, Никарагуа и Уильям Уокер*, и как он погиб, расстрелянный у стены в Трухильо. Однажды, когда она неожиданно вошла в комнату, они тотчас прервали разговор о том, что произошло с повстанцами Квонтрилла**, — она успела услышать лишь имена Фрэнка и Джесси Джеймса.

Но у всех ее новых знакомых были хорошие манеры, они были прекрасно одеты и явно восхищались ею, а потому — не все ли ей равно, если они хотят жить только настоящим. Зато ей было далеко не все равно то, что они — друзья Ретта, что у них большие дома и красивые коляски, что они брали ее с мужем кататься, приглашали на ужины, устраивали приемы в их честь. И Скарлетт они очень нравились. Когда она сказала свое мнение Ретту, это немало его позабавило.

— Я так и думал, что они тебе понравятся, — сказал он и рассмеялся.

— А почему, собственно, они не должны были мне понравиться? — Всякий раз, как Ретт смеялся, у нее возникали подозрения.

* Уильям Уокер (1824–1860) — американский пират, возглавивший восстание и захвативший в 1855 г. власть в Никарагуа. В 1856 г. был избран президентом. За захват кораблей, принадлежавших Вандербильту, навлек на себя гонения со стороны финансовой олигархии США, был вынужден покинуть Никарагуа. При попытке вернуться в Никарагуа был арестован в 1857 г., подвергнут полевому суду, осужден и расстрелян.

** Уильям Кларке Квонтрилл (1837–1865) — глава повстанцев, действовавших на стороне Конфедерации в штатах Канзас и Миссури в 1861–1862 гг.

— Все это люди второсортные, мерзавцы, паршивые овцы. Они все — авантюристы или аристократы из «саквояжников». Они все нажили состояние, спекулируя продуктами, как твой любящий супруг, или получив сомнительные правительственные контракты, или занимаясь всякими темными делами, в которые лучше не вникать.

— Я этому не верю. Ты дразнишь меня. Это же приличнейшие люди...

— Самые приличные люди в этом городе голодают, — сказал Ретт. — И благородно прозябают в развалюхах, причем я сомневаюсь, чтобы меня в этих развалюхах приняли. Видишь ли, прелесть моя, я во время войны участвовал здесь в некоторых гнусных делишках, а у людей чертовски хорошая память! Скарлетт, ты не перестаешь меня забавлять. У тебя какая-то удивительная способность выбирать не тех людей и не те вещи.

— Но они же твои друзья!

— Дело в том, что я люблю мерзавцев. Юность свою я провел на речном пароходике — играл в карты, и я понимаю таких людей, как они. Но я знаю им цену. А вот ты, — и он снова рассмеялся, — ты совсем не разбираешься в людях, ты не отличаешь настоящее от дешевки. Иной раз мне кажется, что единственными настоящими леди, с которыми тебе приходилось общаться, были твоя матушка и мисс Мелли, но, видимо, это не оставило на тебе никакого следа.

— Мелли! Да она такая невзрачная, как старая туфля; и платья у нее всегда какие-то нелепые, и мыслей своих нет!

— Избавьте меня от проявлений свой зависти, мадам! Красота еще не делает из женщины леди, а платье — настоящую леди!

— Ах, вот как?! Ну, погоди, Ретт Батлер, я тебе еще кое-что покажу. Теперь, когда у меня... когда у нас есть деньги, я стану самой благородной леди, каких ты когда-либо видел!

— С интересом буду ждать этого превращения, — сказал он.

Еще больше, чем люди, Скарлетт занимали наряды, которые покупал ей Ретт, выбирая сам цвета, материи и рисунок. Кринолинов уже не носили, и новую моду Скарлетт находила прелестной — перед у юбки был гладкий, материя вся стянута назад, где

она складками ниспадала с турнюра, и на этих складках покоились гирлянды из цветов, и банты, и каскады кружев. Вспоминая скромные кринолины военных лет, Скарлетт немного смущалась, когда надевала эти новые юбки, обрисовывающие живот. А какие прелестные были шляпки — собственно, даже и не шляпки, а этикие плоские тарелочки, которые носили надвинув на один глаз, а на них — и фрукты, и цветы, и гибкие перья, и развевающиеся ленты. (Ах, если бы Ретт не был таким глупым и не сжег накладные буклы, которые она купила, чтобы увеличить пучок, торчавший у нее сзади из-под маленькой шляпки!) А тонкое, сшитое монахинями белье! Какое оно прелестное и сколько у нее этого белья! Сорочки, и ночные рубашки, и панталоны из тончайшего льна, отделанные изящнейшей вышивкой, со множеством складочек. А атласные туфли, которые Ретт ей купил! Каблуки у них были в три дюйма высотой, а спереди — большие сверкающие пряжки. А шелковые чулки — целая дюжина, и ни одной пары — с бумажным верхом! Какое богатство!

Скарлетт без оглядки покупала подарки для родных. Пушистого щенка сенбернара — для Уэйда, которому всегда хотелось иметь щенка; персидского котенка — для Бо коралловый браслет — для маленькой Эллы; литое кольцо с подвесками из лунных камней — для тети Питти; полное собрание сочинений Шекспира — для Мелани и Эшли; расшитую ливрею, включая кучерской цилиндр с кисточкой, — для дядюшки Питера; материю на платье — для Дилси и кухарки; дорогие подарки для всех в Таре.

— А что ты купила Мамушке? — спросил ее Ретт, глядя на груды подарков, лежавших на постели в их гостиничном номере, и извлекая оттуда щенка и котенка, чтобы отнести в гардеробную.

— Ничего. Она вела себя отвратительно. С чего это я стану приносить ей подарки, когда она обзывает нас мулами?

— Почему ты так не любишь, когда тебе говорят правду, моя кошечка? Мамушке нужно привезти подарок. Ты разобьешь ей сердце, если этого не сделаешь, а такое сердце, как у нее, слишком ценно, чтобы взять его и разбить.

— Ничего я ей не повезу. Она этого не заслуживает.

— Тогда я сам куплю ей подарок. Я помню, моя нянюшка всегда говорила — хорошо бы, если бы на ней, когда она отправится на небо, была нижняя юбка из тафты, такой жесткой, чтоб она торчком стояла и шуршала при малейшем движении, а господь бог подумал бы, что она сшита из крыльев ангелов. Я куплю Мамушке красной тафты и велю сшить ей элегантную нижнюю юбку.

— В жизни Мамушка от тебя ее не примет. Да она скорее умрет, чем наденет такую.

— Не сомневаюсь. И все-таки я это сделаю.

Магазины в Новом Орлеане были такие богатые, и ходить по ним с Реттом было так увлекательно. Обедать с ним было тоже увлекательным занятием — даже еще более волнующим, чем посещение магазинов, ибо Ретт знал, что заказать и как это должно быть приготовлено. И вина, и ликеры, и шампанское в Новом Орлеане — было для Скарлетт в новинку, все возбуждало: ведь она знала лишь домашнюю наливку из ежевики, да мускатное вино, да «обморочный» коньяк тети Питти. А какую Ретт заказывал еду! Лучше всего в Новом Орлеане была еда. Когда Скарлетт вспоминала о страшных голодных днях в Таре и о совсем еще недавней поре воздержания, ей казалось, что она никогда вдоволь не наестся этих вкусных блюд. Суп из стручков бамии, коктейль из креветок, голуби в вине и устрицы, запеченные в хрустящем тесте со сметанным соусом; грибы, сладкое мясо и индюшачья печенка; рыба, хитро испеченная в промасленной бумаге, и к ней — лаймы. У Скарлетт никогда не было недостатка в аппетите, ибо стоило ей вспомнить о неизменных земляных орехах, сушеном горохе и сладком картофеле в Таре, как она готова была проглотить буквально все блюда креольской кухни.

— Всякий раз ты ешь так, словно больше тебе не дадут, — говорил Ретт. — Не вылизывай тарелку, Скарлетт. Я уверен, что на кухне еще сколько угодно еды. Стоит только попросить официанта. Если ты не перестанешь предаваться обжорству, будешь толстой, как кубинские матроны, и тогда я с тобой разведусь.

Но она лишь показывала ему язык и просила принести еще кусок торта с шоколадом и взбитыми сливками.

До чего же было приятно тратить деньги — сколько хочешь, а не считать каждое пенни и не думать о том, что надо экономить, что-бы заплатить налоги или купить мулов. До чего же было приятно находиться в обществе людей веселых и богатых, а не благородных, но бедных, как в Атланте. До чего же было приятно носить шуршащие парчовые платья, которые подчеркивали твою талию, оставляя открытыми для всеобщего обозрения твою шею, и руки, и в значительной мере грудь, и знать, что мужчины любят тебя тобой. И как приятно было есть все что захочется и не слышать при этом менторских наставлений о том, что, мол, леди так не едят. И как приятно было пить шампанское вволю! В первый раз, когда она выпила лишку, она проснулась на другое утро с раскалывающейся головой и не без смущения вспомнила, что ехала назад, в отель, по улицам Нового Орлеана в открытой коляске и во весь голос распевала «Славный голубой наш флаг». Она ни разу не видела ни одной хотя бы чуть подвыпившей леди; если же говорить о простых смертных, то она видела пьяную женщину только раз, в день падения Атланты, — это была та тварь, Уотлинг. Скарлетт не знала, как показаться на глаза Ретту после такого позора, но вся эта история, казалось, лишь позабавила его. Все, что бы Скарлетт ни делала, забавляло его, словно она была игривым котенком.

Ей доставляло удовольствие появляться с ним на людях — до того он был хорош. Она почему-то никогда раньше не обращала внимания на его внешность, а в Атланте все были слишком заняты обсуждением его недостатков и никто не обращал внимания на то, как он выглядит. Но здесь, в Новом Орлеане, она видела, как женщины провожают его взглядом и как они трепещут, когда он склоняется, целуя им руку. Сознание, что другие женщины находят ее мужа привлекательным и, возможно, даже завидуют ей, неожиданно преисполнило Скарлетт гордостью за то, что у нее такой спутник в жизни.

«А мы, оказывается, красивая пара», — не без удовольствия подумала она.

Да, как и предсказывал Ретт, от брака действительно можно получать уйму удовольствия. И не только получать удовольствие,